

*На правах рукописи*



**СМИРНОВА Ирина Валерьевна**

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА  
МОШЕННИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная  
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Ставрополь – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

<b>Научный руководитель</b>	<b>Слышкин Геннадий Геннадьевич</b> доктор филологических наук, профессор
<b>Официальные оппоненты</b>	<b>Гусейнова Иннара Алиевна (Али кызы)</b> доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка  <b>Ширяева Татьяна Александровна</b> доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», директор института подготовки кадров высшей квалификации, заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации
<b>Ведущая организация</b>	ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Защита состоится «23» декабря 2025 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.398.06 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корпус 20, аудитория 312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, <https://ncfu.ru/upload/medialibrary/355/xe20fh1i83zx6e8h2q685u5q8rqn3r7q/dissertatsiya-Smirnova.pdf>

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ: <https://ncfu.ru/nauka/dissertatsionnye-sovety/obyavleniya-o-zashchite-dissertatsiy/32809/>

Автореферат разослан «\_\_\_» октября 2025 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
доктор филологических наук, доцент



М.В. Каменский

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Работа выполнена на стыке теории дискурса, юрислингвистики и теории речевого воздействия. Исследование направлено на развитие теории и практики лингвобезопасности применительно к феномену мошенничества.

Значимость мошенничества как угрозы российскому обществу и необходимость комплексного противодействия данному виду преступлений неоднократно отмечались в выступлениях Президента Российской Федерации В.В. Путина (Прямая линия с Владимиром Путиным, 30.06.2021; Выступление на коллегии МВД 17.02.2022; Итоги года с Владимиром Путиным 19.12.2024; Совещание с членами Правительства от 05.03.2025 г. и поручение Правительству Российской Федерации и Банку России по итогам данного совещания).

**Актуальность** исследования обусловлена следующими факторами:

1) ростом манипулятивности коммуникации в целом и технически опосредованной коммуникации в частности, расширением спектра коммуникативных угроз личной и общественной безопасности, трансформацией преступных практик, эксплуатирующих информационно-коммуникационные технологии, интеграцией мошеннических действий в стратегии гибридной войны, ведущейся против Российской Федерации, сращением мошенничества и диверсионно-террористических преступлений;

2) интенсивным развитием законодательства, направленного на борьбу с мошенничеством, потребностью в развитии категориального аппарата и средств лингвистической экспертизы для оптимизации практики правоприменения;

3) социальной востребованностью лингвоюридического просвещения, направленного на формирование у граждан комплексной коммуникативной компетенции, позволяющей эффективно противостоять стремительно меняющемуся мошенническому воздействию;

4) недостаточной разработанностью инструментария лингвистического противодействия деструктивным коммуникативным потокам, необходимостью использовать потенциал науки о языке и дискурсе для укрепления национальной безопасности.

Работа коррелирует с рядом документов стратегического планирования Российской Федерации, в том числе:

- с Национальными целями развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года») в части задачи по «созданию системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и снижения ущерба от их совершения»;

- со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации») в части приоритетного направления «противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и экстремистской идеологии, деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства, укрепление обороноспособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз».

**Степень разработанности проблемы.** Мошенничество как особый вид преступного деяния не раз всесторонне анализировалось в юриспруденции на различных этапах ее развития: например, И.Я. Фойницкий (1871), Г.Н. Борзенков (1971), А.Г. Безверхов (2002), А.И. Бойцов (2002), А.И. Розенцвайг (2012), А.А. Южин (2016), Д.Г. Лавров (2023). В лингвистике же мошеннический дискурс ранее комплексно не анализировался, хотя в последнее время различные языковые и коммуникативные аспекты мошенничества все чаще привлекают внимание исследователей. Так, Л. А. Литвинова обращалась к манипулятивному потенциалу ложных утверждений в структуре мошеннического дискурса, рассматривала основные типы речевых актов, задающих его структурно-прагматическую рамку, в том числе на материале английского языка (2022, 2023). Е.И. Галяшина в рамках лингвокриминалистики изучила способы распознавания языковых приемов телефонных мошенников (2003, 2011, 2025).

Н.С. Третьякова впервые провела исторический анализ эволюции лингвистического понятия «мошенничество» (2015). О.А. Усачева, Н. А. Чернявская, Н. Ю. Темникова описали номинативное поле концепта «мошенник» в русской языковой картине мира (2024). Н.Ю. Темникова более подробно рассмотрела коммуникативно-прагматическое поле «мошенник» (2024). Л.А. Тугай уделила внимание компонентам коммуникативного события «обман» в мошенническом дискурсе, лексическим маркерам манипулятивного воздействия при реализации стратегии уговаривания в ходе телефонного мошенничества (2023, 2024, 2025). Также совместно с А.А. Мироновой ею был рассмотрен психолингвистический подход к исследованию текстов мошеннического дискурса (2024). В.В. Василькова проанализировала манипулятивные дискурс-стратегии кибермошенников, базирующиеся на подмене типа дискурса (2024).

**Объектом** исследования является мошеннический дискурс как система деструктивного коммуникативного воздействия, направленного на подрыв безопасности индивида, государства и общества.

В качестве **предмета** изучения выступают структурно-композиционные, лингвоаксиологические, вербальные и семиотические инструменты мошеннического дискурса, обеспечивающие реализацию его криминально-манипулятивной направленности.

**Цель** исследования – выявление и систематизация стратегий мошеннического дискурса в аспекте их функционально-прагматического потенциала персуазивного воздействия на жертву.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

- выявление особенностей концептуализации мошенника и жертвы в фольклорной, литературной и языковой картинах мира;
- дифференциация лингвобытового и юридического понимания мошенничества;
- делимитация пространства мошеннического дискурса в рамках общей системы криминальной деятельности;

- характеристика компонентов социально-прагматической структуры мошеннического дискурса, дифференциация облигаторных и опциональных составляющих;

- выявление и анализ ключевых элементов дискурсивного взаимодействия в диалогической коммуникации, направленной на реализацию мошеннических целей;

- выделение и описание базовых стратегий мошеннического воздействия, тактик их реализации, отдельных манипулятивных приемов.

**Эмпирическим материалом исследования послужили:**

1) объединенные в Лингвоюридическую базу данных «Мошеннический дискурс» (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620441 от 29.01.2024) тексты о мошеннических действиях, отобранные из электронных СМИ, социальных сетей, с тематических и региональных интернет-форумов, сайтов информационно-развлекательных сообществ, из пресс-релизов правоохранительных органов, а также путем расшифровки видеозаписей, размещенных на видеохостингах (общее количество текстов – 3123);

2) анкеты жертв мошенничества, полученные через форму опроса на сайте проекта «Антимошенник» Президентской академии (165 анкет);

3) записи экспертных интервью, проведенных в 2023-2025 годах с представителями правоохранительных и правозащитных органов, служб безопасности финансовых организаций, предпринимателями, юристами (17 интервью).

В ходе проведения исследования были использованы следующие **методы**:

- для сбора материала: целевая выборка текстов, анкетирование, экспертное интервью;

- для структурирования текстовых массивов – технология лингвистических баз данных;

- для изучения специфики концептуализации феноменов в различных типах картин мира – этимологический анализ, компонентный анализ, лингвокогнитивный анализ;

- для моделирования дискурса в целом и его отдельных стратегий – прагмасемантический анализ, структурно-прагматический анализ, контекстуальный анализ, интерпретационный анализ.

**Теоретической базой** послужили труды ученых, разработанные в рамках следующих научных направлений:

1) теория дискурса: Н.Д. Арутюнова (1990), Т.В. Булыгина (1981), Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев (1997), Т.А. ван Дейк (2008), В.В. Дементьев (2000), В.И. Карасик (1998, 2000, 2002, 2009, 2025), В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин (2005), Е.С. Кубрякова (2004), О.А. Леонтович (2000), О.В. Лутовинова (2009), М.Л. Макаров (2003), А.В. Олянич (2004), А.Ю. Попов (2001), П. Серйо (2001), Г.Г. Слышкин (2000, 2004), Ю.С. Степанов (1998);

2) юрислингвистика, лингвокриминалистика, теория лингвистической безопасности: А.С. Александров (2011), С. В. Бажанов, О. А. Морохова (2006), Е.И. Галяшина (2003, 2011, 2025), Н.Д. Голев (1999, 2003), Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева (2002, 2003), В.И. Жельвис (2000), Н.Н. Ивакина (2008), Н.Б. Лебедева (2000), Б.И. Осипов (2000), О.Н. Матвеева (2004), К.И. Бринев (2009), М.В. Торгашева (2011), Г.Г. Слышкин (2018);

3) теория речевого воздействия: А. Г. Асмолов. (1979), Э. Берн (1988), В. З. Демьянков (1989), М.Р. Желтухина (2010), О.С. Иссерс (2008, 2009), И.А. Стернин (2001, 2008), Е.В. Шелестюк (2014).

В основу исследования была положена следующая **гипотеза**: в ходе подготовки и осуществления преступных действий, направленных на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, формируется особый тип криминального дискурса – мошеннический дискурс, основывающийся на манипулятивности и имитационности, обладающий выраженной функционально-прагматической спецификой и поддающийся лингвистическому анализу, на основе институционально-дискурсивного подхода, учитывающего агентско-клиентские коммуникативные отношения между мошенником и жертвой.

**На защиту** выносятся следующие **положения**:

1. Мошеннический дискурс – это особый тип криминального дискурса, состоящий в спланированном и целенаправленном воздействии на жертву преступления путем использования различного рода речевых манипуляций с целью завладения имуществом и получения выгоды. Референциальность мошеннического дискурса не полностью совпадает с кругом действий, квалифицируемых юриспруденцией как мошенничество.

2. Структура мошеннического дискурса включает следующие элементы:

1) цели (центральная – получение активов жертвы; предварительная – получение информации о жертве; пост-цель – вовлечение жертвы в диверсионно-террористический акт); 2) участники – мошенник (редко – индивид, обычно – организованная группа лиц) и жертва; 3) жанровый состав – единый жанр «развод», имитирующий иные институциональные или персональные жанры; 4) хронотоп (локализация, позволяющая изолировать и контролировать жертву, и темпоральность, определяющая общую хронологию взаимодействия, а также служащая инструментом манипуляции); 5) дискурсивные формулы, организованные в сценарии, аналогичные скриптам продаж; 6) ценностная система (базовая скрытая ценность обогащения и эксплицитно эксплуатируемые социальные ценности); 7) стратегии, основывающиеся на психологическом состоянии, в которое приводится жертва; 8) строевой материал дискурса (ориентация на актуальную повестку дня, эксплуатация новейших информационно-коммуникационных технологий, постоянное расширение баз данных); 9) прецедентные феномены – нормативно-правовые акты и имена статусных и референтных лиц.

3. Вариативными характеристиками стратегий мошеннического дискурса являются: 1) коммуникативная цель адресанта – психологическое состояние, целенаправленно формируемое у жертвы при помощи манипулятивного воздействия; 2) самопрезентация адресанта – социальная роль, используемая мошенником в ходе манипулятивного воздействия на жертву; 3) индивидуальность или множественность адресанта (общение с одним мошенником / с цепочкой мошенников); 4) наличие/отсутствие имитации

институциональной принадлежности; 5) способы эксплуатации темпоральности; 6) лексическая специфика (терминология и квазитерминология, профессионализмы, числительные, эмоционально-окрашенная лексика, обсценцизмы); 7) апелляции к законодательству.

4. Стратегия апелляции к страху состоит в моделировании для жертвы стрессовой ситуации путем сообщения об опасности и включает три тактики: тактика внушения страха за свое материальное благополучие, тактика внушения страха за безопасность близкого, тактика внушения боязни общественного порицания. Мошенник презентует себя в качестве представителя государственного, финансового института или криминалитета. Адресант может быть как индивидуальным, так и множественным. Мошенник эксплуатирует фактор темпоральности, сообщая, что наступление негативных последствий зависит от скорости выполнения его требований. Используются правовая и финансовая терминология / квазитерминология, обсценная лексика, апелляции к законодательству.

5. Стратегия апелляции к удаче состоит в моделировании для жертвы ситуации удачного стечения обстоятельств и включает три тактики: тактика создания ощущения жизненного успеха, тактика предоставления средств достижения благополучия, тактика внушения чувства исключительности. Мошенник презентует себя в качестве представителя организации или бренда, известной личности или рядового пользователя сети Интернет. Адресант может быть как индивидуальным, так и множественным. Мошенник эксплуатирует фактор темпоральности, акцентируя внимание жертвы на ограниченности срока действия предложения. Активно используются числительные, финансовая терминология / квазитерминология, эмоционально-окрашенная лексика с позитивной оценочностью.

6. Стратегия апелляции к надежде состоит в моделировании для жертвы ситуации уникальной возможности решить нерешаемую проблему, имеющую критическое значение для жизни. Мошенник презентует себя в качестве медицинского работника, представителя Минздрава, социального работника,

дистрибьютора медицинской техники или лекарственных препаратов, гадалки или мага, известной личности. Адресант может быть как индивидуальным, так и множественным. Мошенник эксплуатирует фактор темпоральности, акцентируя внимание жертвы на скорости наступления негативных последствий (болезнь, смерть, распад семьи) в случае отказа от использования предлагаемого им средства. Активно используются медицинская и иная научная терминология / квазитерминология, эзотерическая лексика.

7. Стратегия апелляции к жалости состоит в моделировании для жертвы ситуации возможности оказать кому-либо помощь в трудной жизненной ситуации, проявить сострадание и милосердие. Мошенник презентует себя в качестве физического лица, нуждающегося в помощи, родственника или друга такого лица, администратора интернет-ресурса, через который собираются пожертвования. Адресант индивидуален. Фактор темпоральности эксплуатируется путем акцентуации наступления негативных последствий (как правило, смерть) в случае отсутствия помощи в ближайшее время. Активно используются диминутивы, экспрессивы, медицинские термины, апелляции к религиозным чувствам, иллюстративно-визуальные средства воздействия.

8. Стратегия апелляции к смущению/чувству вины состоит в моделировании для жертвы ситуации, в которой она испытывает неловкость за то, что не узнала инициатора общения. Мошенник презентует себя в качестве родственника или друга жертвы. Адресант индивидуален. Фактор темпоральности эксплуатируется через формирование у жертвы предвкушения скорой встречи. Мошенник активно апеллирует к семейным ценностям или дружбе, имитирует речевой жанр «осуждение».

9. Стратегия создания иллюзии рутинности состоит в моделировании обыденной ситуации, привычной для жертвы. Адресант не стремится создать у адресата эмоциональное возбуждение или апеллировать к логике. Мошенник презентует себя в качестве физического лица или представителя сферы услуг. Адресант индивидуален. Фактор темпоральности эксплуатируется путем

акцентуации внимание жертвы на рутинности проблемы и возможности экономии времени на ее решении.

**Научная новизна** работы заключается в следующем: 1) впервые описан мошеннический дискурс как особый тип криминального дискурса; 2) осуществлено сравнение юридического и лингвистического подходов к пониманию мошенничества; 3) построена функционально-прагматическая модель мошеннического дискурса; 4) предложена типология облигаторных и вариативных коммуникативных средств мошеннического воздействия; 5) доказана системная связь инструментов мошеннического воздействия с маркетинговым дискурсом; 6) обоснована базированность стратегий мошеннического дискурса на целевом эмоционально-психологическом состоянии жертвы; 7) выделены и описаны базовые стратегии мошеннического дискурса (стратегия апелляции к страху, стратегия апелляции к удаче, стратегия апелляции к надежде, стратегия апелляции к жалости, стратегия апелляции к смущению/чувству вины, стратегия создания иллюзии рутинности), а также входящие в данные стратегии тактики; 8) выявлена лексическая, стилистическая и жанровая специфика стратегий мошеннического воздействия.

**Теоретическая значимость** исследования связана с развитием следующих направлений лингвистики:

- теории дискурса применительно к характеристике криминальных видов дискурса;
- юрислингвистики применительно к разграничению понимания мошенничества в правовой и языковой картинах мира;
- теории речевого воздействия применительно к манипулятивным технологиям, используемым в преступных целях.

**Практическая ценность** работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при создании механизмов и алгоритмов коммуникативного противодействия мошенничеству, разработке обучающих программ по информационной и коммуникативной безопасности, проведении просветительских мероприятий по проблемам обеспечения сохранности личных

и служебных данных, формирования устойчивости к деструктивному влиянию с использованием информационных и коммуникационных технологий.

**Достоверность** полученных результатов обеспечивается актуальной теоретико-категориальной базой, репрезентативностью эмпирического материала, использованием методов, адекватных цели исследования и материалу, представленностью системы доказательств для каждого положения, выносимого на защиту.

**Апробация и внедрение основных результатов исследования** осуществлены в следующих формах:

- доклады на научных и научно-практических конференциях, в том числе на международных (Москва, 2022, 2022, 2023, 2023, 2024, 2025; Тверь 2025); всероссийских (Волгоград, 2023, 2024; Москва, 2024; Тверь, 2023); межвузовских (Донецк, 2022);

- в серии открытых лекций по защите от мошеннического воздействия для сотрудников органов исполнительной власти и сферы образования, а именно для московского кампуса и филиальной сети ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 12 марта 2024 г. и 09 декабря 2024 г.; для центрального аппарата и территориальных подразделений Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор), 17 июля 2024 г.; для центрального аппарата Федеральной таможенной службы России, 31 октября 2024 г.; для аппарата Центральной почтовой таможни, 12 декабря 2024 г., для руководящего состава Федеральной службы судебных приставов, 02 апреля 2025 г.; для родительской общественности в ходе проведения «Общегородского онлайн-совещания для родителей» в Московском центре качества образования Департамента образования и науки города Москвы, 29 мая 2025 г. Общее количество слушателей – более пяти тысяч человек;

- электронное приложение «Антимошенник», разработанное для устройств на базе операционной системы Android и размещенное для

бесплатного скачивания в российском магазине приложений для мобильных устройств RuStore<sup>1</sup>;

- в работе проекта «Противодействие электронному мошенничеству» Президентской академии, включающем интернет-ресурс «Антимошенник» (<https://www.ranepa.ru/antimoshennichestvo/>), систему рассылок для сотрудников Академии по оперативному реагированию на мошеннические угрозы, подготовку материалов для публикации в СМИ (более 60 публикаций в СМИ, в том числе на РИА «Новости», ИА REGNUM, ФГБУ «Редакция «Российской газеты», СИ «Вести.Ру», телерадиоканале «Русский мир», News.ru).

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 9 научных трудов, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, а также 3 статьи в сборниках материалов научных конференций, 1 свидетельство о государственной регистрации базы данных, 1 свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ.

**Структура диссертации** подчинена целям и задачам исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, приложений и списка литературы.

### **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во **введении** обосновываются актуальность исследования, степень разработанности изучаемой проблемы, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи; указываются материал и методы исследования, характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; приводятся положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Феномен мошеннического дискурса»** разграничиваются юридическое и дискурсивное понимание мошенничества, рассматриваются образы мошенника и жертвы в фольклорной и литературной картинах мира, раскрываются особенности концептов «мошенник» и «жертва» в языковой картине мира, дефинируется мошеннический дискурс и осуществляется моделирование его структуры.

---

<sup>1</sup> Заявка на регистрацию программы для ЭВМ номер ЕА-161160 подана в Федеральный институт промышленной собственности 05.08.2025 г.

Развитие общества постоянно сопровождается параллельное изменение социальных феноменов, влияющих на жизнь социума. Одним из таких феноменов является мошенничество. Оно возникло на самых ранних этапах становления общества одновременно с экономическими и социальными отношениями. Еще в Древнем Риме существовало понятие «стеллионата» – обмана при закладе чужого имущества. И.Я. Фойницкий в работе «Мошенничество по русскому праву» отмечал, что обман естественным образом сопровождал торговлю с момента её возникновения, и описывал обман при ценообразовании, манипуляции с весами, продажу одного товара под видом другого (Фойницкий, 1871). Эффективность мошеннического воздействия напрямую зависит от уровня развития информационных технологий. Стимулами к развитию мошенничества были появление письменности, книгопечатания, радио и телевидения. С возникновением интернета и киберпространства возможности для манипуляции сознанием стали практически безграничными.

В отличие от других социально-опасных преступлений мошенничество не просто включает существенную коммуникативную составляющую. Мошенничество состоит в обмане или злоупотреблении доверием, то есть само по себе преступное деяние является одновременно коммуникативным актом. Именно это позволяет нам говорить о существовании мошеннического дискурса как особого типа криминального дискурса. **Мошеннический дискурс состоит в спланированном и целенаправленном воздействии на жертву преступления путем использования различного рода речевых манипуляций с целью завладения имуществом и получения выгоды.** Референциальность мошеннического дискурса не полностью совпадает с кругом действий, квалифицируемых юриспруденцией как мошенничество. Существуют преступные действия, которые имеют обширную коммуникативную составляющую и соответствуют всем признакам мошеннического дискурса, но юридически подпадают под понятие кражи или вымогательства (например, наличие в сообщении угрозы применения насилия, пусть даже от лица фальсифицированного субъекта, юридически делает это сообщение актом вымогательства, а не мошенничества). Также существуют преступления,

квалифицируемые правом как мошенничество, но при этом лишённые выраженной дискурсивности, то есть речевого взаимодействия мошенника и жертвы (например, мошенничество в сфере страхования).

Фольклорная и литературная традиции сформировали в общественном сознании оценочную дифференциацию образов мошенника и жертвы. Мошенник оказывается более привлекательным персонажем, он скорее трикстер, нежели преступник (например, Локи, Сунь Укун, Труффальдино из Бергамо, Остап Бендер, пушкинский Балда). Жертва практически всегда изначально воспринимается как «простак», слабый и недостойный поддержки или сочувствия. В языковой картине мира наблюдается аналогичная ситуация. Концепты «мошенник» и «жертва» обладают большой номинативной плотностью во всех вариантах национального русского языка (в литературном языке, диалектах, социолектах). При этом тенденция к негативной коннотированности жертвы сохраняется (ср. лексемы *лох*, *лошара*, *тертила*, *фраер*). Значимым фактором, способствовавшим этой негативизации, стала произошедшая в 1990-х годах экспансия криминального жаргона в разговорную речь и обыденное языковое сознание.

Описание структуры мошеннического дискурса в данном исследовании осуществлено на основании модели дискурса, разработанной В.И. Карасиком (2002) и включающей девять компонентов: 1) цели, 2) участники, 3) жанры, 4) хронотоп, 5) дискурсивные формулы, 6) ценности, 7) стратегии, 8) строевой материал, 9) прецедентные феномены.

**Цели** мошеннического дискурса образуют иерархию, в которую входит следующая триада:

1. Предварительная информационная цель, в рамках реализации которой мошенник аккумулирует персональные данные жертв в базу данных для дальнейшего использования. Пример: *«Они мне сказали, что договор закончился. Я спросила, какой оператор? Они ответили, что это «МТС», а я им сказала, что у меня нет такого номера, у меня «Мегафон». Через несколько дней звонок повторился, но теперь сказали, что закончился договор с «Мегафоном»* (Расшифровка интервью автором, 2025).

2. Центральная финансовая цель, состоящая в побуждении и вынуждении жертвы передать мошеннику деньги и имущество. Данная цель реализуется через ряд коммуникативных или некоммуникативных действий: 1) некоммуникативное осознанное действие: жертва передает деньги или активы мошеннику, осознавая потерю контроля над активами, передаваемыми другому лицу; 2) коммуникативное неосознанное действие: жертва передает мошеннику информацию, но не осознает последствий такой передачи; 3) некоммуникативное неосознанное действие: жертва переходит по фишинговой ссылке и не осознает потерю контроля над своими активами и информацией.

3. Диверсионно-террористическая пост-цель, выходящая за рамки мошенничества как преступления и являющаяся следствием интегрированности мошеннических структур с институтами недружественных иностранных государств, ведущих гибридную войну против Российской Федерации: *Местная жительница, будучи начальником отдела финансирования строительства объектов Министерства архитектуры Владимирской области, заняла 3 миллиона рублей у знакомых и коллег, после чего отдала все деньги аферистам. За поджог военкомата мошенники обещали ей всё вернуть. На суде чиновница признала свою вину и раскаялась в содеянном* (интернет-издание Царьград Владимир/Иваново, 2023).

**Участниками** мошеннического дискурса являются мошенник и жертва. Превращение мошеннической деятельности в криминальную индустрию предполагает организованную структуру, где есть собственная иерархия. В данной иерархии выделяются две ключевые роли: 1) мошенник, который создает мошеннические скрипты; 2) мошенник, который осуществляет коммуникацию с жертвой. Жертва, совершая передачу денежных средств, активов или информации, свой статус жертвы не осознает.

**Хронотоп** мошеннического дискурса локализует рамки ситуации, в которой разворачивается мошенническое воздействие. При осуществлении мошеннических действий с использованием сети Интернет и средств информационно-коммуникационных технологий фактор пространственного

расположения мошенника утрачивает важность. Фактор пространственного расположения жертвы сохраняет значимость. Основной пространственный запрос мошенников – требование об изолированности места коммуникации: *Сперва они заставили 77-летнюю женщину перевести им крупную сумму денег, а после уговорили покинуть квартиру, сменить номер и скрыться в Тверской области* (материал в газете Вечерняя Москва, 2023). Эксплуатация фактора темпоральности имеет большое значение, но также зависит от реализуемой стратегии воздействия. В случаях асинхронного взаимодействия мошенника и жертвы, например рассылки сообщений о выигрыше ценных призов, адресант сообщения может устанавливать временные ограничения, однако в таком случае невозможно будет проконтролировать обратную связь. При синхронном взаимодействии мошенник воздействует на жертву непосредственно и имеет возможность изменять и контролировать время общения в зависимости от реализуемой цели.

В мошенническом дискурсе реализуются скрытые и эксплицируемые **ценности**. Скрытой ценностью мошеннического дискурса является получение денег и ценных активов жертвы. Эксплицитно эксплуатируются общепризнанные социумом ценности, релевантные для реализуемой схемы мошеннического воздействия. Так, в сценарии «Возбуждение уголовного дела» активно эксплуатируется концепт «гражданственность». Злоумышленник имитирует звонок от представителя правоохранительных органов и предлагает жертве поучаствовать в специальной операции по задержанию мошенников, оказать помощь силовому ведомству и тем самым выполнить свой гражданский долг.

Мошенническое воздействие реализуется с использованием определенных **дискурсивных формул**. Высокая формульность мошеннического дискурса детерминирована индустриально-поточным характером современного мошенничества. Каждой стратегии воздействия соответствует собственный набор скриптов (клишированных текстов), которые мошенник использует для коммуникации с жертвой. В 2024 году МВД РФ сообщило о выявлении 150 типовых скриптов, используемых в работе колл-центров (РИА Новости, 2024).

Скриптовый характер мошеннической коммуникации сближает ее с коммуникацией маркетинговой. Типовой маркетинговый скрипт обеспечивает массовый охват аудитории и является инструментом, который экономит усилия по подготовке персонала, поскольку текст унифицирован и нет необходимости импровизировать. Скрипты продаж в маркетинге содержательно близки мошенническим, но интенция адресанта принципиально отличается. Результатом мошеннического коммуникативного акта является противоправное деяние.

**Строевой материал** мошеннического дискурса включает три базовых элемента: 1) ориентацию на актуальную повестку дня, позволяющую динамично варьировать содержание мошеннических скриптов, постоянно обновлять и адаптировать их к информационным запросам жертвы; 2) эксплуатацию новейших информационно-коммуникационных технологий, позволяющую использовать индустриальные мощности организованных мошеннических групп для максимально эффективного воздействия на жертв; 3) постоянное приращение и расширение информационных баз данных, позволяющих делать воздействие на каждую жертву все более персонифицированным.

Мошеннический дискурс реализует единый имитационный речевой **жанр** «развод». В рамках данного жанра симулируются иные речевые жанры, соответствующие той стратегии и тактике, которую для воздействия выбирает адресант. Инвариантом для любого акта в рамках жанра «развод» являются коммуникативная направленность на изменение психологического состояния адресата (именно она является основой для формирования стратегий), ложная самоидентификация адресанта и эксплуатация фактора темпоральности.

В арсенал **прецедентных текстов** мошеннического дискурса входят нормативные правовые акты, используемые мошенниками для обоснования своих позиций, а также прецедентные имена. Последние используются для создания реалистичных моделей, пригодных для продуцирования и тиражирования видео и изображений с участием узнаваемой в социуме личности.

**Во второй главе «Стратегии мошеннического дискурса»** рассматриваются инвариантные и вариативные элементы стратегий изучаемого

дискурса и входящие в состав стратегий тактики.

Стратегии мошеннического дискурса основываются на психологическом состоянии, в которое приводится жертва. Проведённый анализ текстов о мошеннических действиях, анкет жертв мошенничества и расшифровок записей экспертных интервью позволил выделить шесть базовых стратегий мошеннического дискурса: 1) стратегия апелляции к страху, 2) стратегия апелляции к удаче, 3) стратегия апелляции к надежде, 4) стратегия апелляции к жалости, 5) стратегия апелляции к смущению/чувству вины, 6) стратегия создания иллюзии рутинности. Для выделенных стратегий характерна инвариантная манипулятивная структура, в рамках каждого элемента которой варьируются конкретные средства воздействия. Анализ данных средств осуществляется по схеме, представленной в Таблице 1.

Таблица 1. Структура анализа средств воздействия, используемых в стратегиях мошеннического дискурса

<b>Инвариантная структурная единица</b>	<b>Вариативное содержание средств воздействия</b>
Коммуникативная цель адресанта	Психологическое состояние, целенаправленно формируемое мошенником у жертвы при помощи манипулятивного воздействия
Самопрезентация адресанта	Самоидентификация мошенника в той или иной социальной роли, используемая в ходе манипулятивного воздействия на жертву
Индивидуальность или множественность адресанта	Общение с жертвой одного мошенника или последовательное общение с двумя или более мошенниками
Декларация институционального статуса	Наличие или отсутствие в речи мошенника утверждения о принадлежности к какой-либо организации
Эксплуатация темпоральных характеристик общения	Инициирование общения в моменты нехарактерные для деловой активности или эмфатизация необходимости принятия решения в сжатые сроки
Лексическая специфика	Использование в речи мошенника терминологии, квазитерминологии, профессионализмов, числительных, имен собственных, эмоционально-окрашенной лексики, включая обценную
Апелляции к законодательству	Наличие в речи мошенника ссылок на различные нормативно-правовые акты

**Стратегия апелляции к страху** состоит в моделировании для жертвы стрессовой ситуации путем сообщения об опасности. Мошенник презентует себя в качестве представителя государственного, финансового института или криминалитета. Адресант может быть как индивидуальным, так и множественным. Мошенник эксплуатирует фактор темпоральности, сообщая, что наступление негативных последствий зависит от скорости выполнения его требований. Используются правовая и финансовая терминология / квазитерминология, обценная лексика, апелляции к законодательству. Данная стратегия включает три тактики: 1) тактика внушения страха за свое материальное благополучие; 2) тактика внушения страха за безопасность близкого; 3) тактика внушения боязни общественного порицания.

Для тактики внушения страха за свое материальное благополучие характерны эмфатизация институциональности, множественность адресанта, апелляции к законодательству. Семантика темпоральности в речи имеет большое значение, поскольку быстрое принятие жертвой необдуманных решений является одной из задач мошенника. Приведем пример:

*В 22:00 в Телеграме я вижу сообщение якобы от Клим Шипенко, режиссера фильма «Декабрь», в котором сейчас снимаюсь: «Привет, я по делу. С тобой связывался Макаров Владимир?»...Он сообщает мне, что одного из наших операторов забрали в тюрьму, что «Макаров все объяснит», и сразу мне звонит этот Макаров, причем по видеосвязи. На экране я вижу человека в форме и классический деревянный кабинет – хороший стол, флаг на стойке, портреты президента. Макаров начинает с того, что я должна пробить в интернете его номер и убедиться, что это официальный звонок из ФСБ...Мне звонит по видеосвязи «следователь ФСБ Макаров» и сообщает, что за воскресенье им удалось выяснить: от моего имени в ВТБ взят автокредит на два миллиона... Мне сейчас вызовут такси, чтобы я съездила в отделение ВТБ и взяла кредит на такую же сумму, тогда предыдущий будет аннулирован...Макаров говорит, что сейчас со мной свяжется сотрудник Росфинмониторинга Сергей Горский и мне тоже нужно будет зайти в*

интернет, чтобы проверить его имя и телефон (материал из сетевого издания Правмир, 2024)<sup>2</sup>.

Для тактики внушения страха за безопасность близкого характерна множественность адресанта (мошенников всегда двое – «представитель правоохранительных органов» и «родственник жертвы»). Эксплуатация темпоральности реализуется через инициирование общения в моменты, нехарактерные для деловой активности (поздняя ночь, раннее утро). Присутствует эмоционально-экспрессивная лексика. Приведем примеры:

*Маме вчера позвонили сразу на оба телефона: мобильный и домашний. В общей сложности она поговорила с 3 людьми: с якобы рыдающей внучкой, с якобы следователем и его помощницей. Типа внучка переходила дорогу на красный свет, её сбила машина, а потом влетела в остановку и сбила там людей. Мама (я) у прокурора, срочно нужен миллион (!), чтобы сделать всем выжившим операции и внучку не посадили»* (материал на форуме информационного проекта 7я.ru, 2021); *мама!! мамочка, я в аварию попала, там девушка из за меня пострадала, мама!!! срочно мамочка приезжай!!!* (сообщение на ВК, 2022); *Однажды поздно вечером у меня зазвонил телефон, я взяла трубку и услышала: «Мама, я сбил человека. Я в полиции и мне нужны деньги». Меня как будто по голове ударили - в ушах зашумело, сердце забилося чаще, мне пришлось ухватиться за стол, потому что я побоялась упасть, а голос сына в трубке продолжал: «Мама, ты слышишь? Это важно, ты слышишь?»* (сообщение в ВК, 2021).

В рамках тактики внушения боязни общественного порицания мошенник выступает в роли представителя криминальной группы. Апелляции к законодательству единичны. Лексическую специфику составляет использование обценной лексики. Жертву обвиняют в неких постыдных и компрометирующих поступках: *На почту пришло сообщение от «хакера», что он взломал мой компьютер и видит, как я каждый день смотрю порнушку и*

---

<sup>2</sup> Здесь и далее цитаты авторов сообщений приводятся с сохранением орфографии и пунктуации.

занимаюсь извращениями с кучей мужиков. Напомню, я на девятом месяце! Хотелось бы, но не судьба. Смеялась все выходные (сообщение из личного архива автора, 2023). Часто жертвами данной тактики становятся лица, пытавшиеся воспользоваться услугами проституток: *Ассалам Алейкум, \*\*\*\*\*, \*\*\*, ...Вот там проблема, \*\*\*\*\*, решить надо. Слышишь меня?... Ну, там было написано: девушка составляет бронь на клиента на 27500. Девушке не звонить и не писать. Там 300 просмотра на данной кассе ни 1 звонка, родной. Люди поднялись, люди поднялись, потому что тут в кассе деньги лежат, малая сумма 2 миллиона 800, понимаешь? И они сейчас под угрозой. Сейчас либо мы с тобой решаем вопрос, открываем кассу и расходимся по-тихому... За то что ты позвонил, не прочитал, \*\*\*\*\*, кассу навернул мне, \*\*\*\*\*, а в кассе 2000800. Те деньги, которые отработали проститутки, а эти деньги отделяются на 11 долей с учетом на мусорской, а 25% девушкам... Я тебе говорю, \*\*\*\*\* тебе. \*\*\*\*\* тебе»* (расшифровка текста видео из блога Ивана Беркута, 2022).

**Стратегия апелляции к удаче** состоит в моделировании для жертвы ситуации удачного стечения обстоятельств. Мошенник презентует себя в качестве представителя организации или бренда, известной личности или рядового пользователя сети Интернет. Адресант может быть как индивидуальным, так и множественным. Мошенник эксплуатирует фактор темпоральности, акцентируя внимание жертвы на ограниченности срока действия предложения. Активно используются числительные, финансовая терминология / квазитерминология, эмоционально-окрашенная лексика с позитивной оценочностью. Данная стратегия включает три тактики: 1) тактику создания ощущения жизненного успеха; 2) тактику предоставления средств достижения благополучия; 3) тактику внушения чувства исключительности.

При реализации тактики создания ощущения жизненного успеха важным инструментом воздействия является использование числительных. Мошенник акцентирует внимание жертвы на ценности выигрыша, приза или получаемой

---

<sup>3</sup> Звездочками заменена нецензурная лексика.

компенсации и одновременно с этим делает акцент на незначительной стоимости технического платежа, который необходимо внести для получения самого выигрыша, приза или компенсации. Пример:

*Прислали на почту подарочный без проигрышный билет столото, перенесло на сайт столото, этак в прямом эфире официальный розыгрыш, где писало что в сети было около 60-70 человек. Выпали шарик, совпали 4 шарика, выигрыш составил 224 тысячи с лишним. Попробовала получить выигрыш, выбрала перевод на карту, потребовали пошлину в размере около 450 рублей, потом потребовали комиссию в размере 809 рублей, но когда написали что банк отклонил запрос, я попробовала снова, но комиссия стала составлять 817 рублей. Оплатила, но снова написали что банк отклонил запрос. Написали что нужно отправить запрос вроде как на проверку документов. Причём ПЛАТНЫЙ, около тысячи рублей! Мошенники, считаю я (сообщение на pravoved.ru, 2021).*

При реализации тактики предоставления средств достижения благополучия внимание жертвы акцентируется на эксклюзивности информации, которая позволит получить доступ к инструменту обогащения. В обеих тактиках эксплуатация темпоральности реализуется через сообщения об ограниченном периоде действия предложения. Характеристика институциональности реализуется через представление адресанта в качестве сотрудника организации или бренда, которые проводят розыгрыш призов, уполномочены предоставить компенсацию или предоставляют доступ к инвестиционному инструменту. Также характерна множественность адресанта, с жертвой могут последовательно общаться два мошенника. В процессе общения с жертвой злоумышленник апеллирует к ограниченности периода актуальности предложения и возможности использовать то или иное средство. Пример:

*Молодой мужчина познакомился в Интернете с привлекательной девушкой, страничка которой была полна фотографиями красивой жизни. Новая знакомая любезно согласилась рассказать, как парень тоже с лёгкостью сможет стать миллионером: с помощью биржевой торговли. Красавица, назвавшаяся Алёна Ильина, заверила, жителя Туапсинского района, что он ей*

*очень нравится. Она будет рада встретиться с ним на престижном заграничном курорте и порекомендует его своему брату, который является экспертом трейдинга. Брат отлично на этом зарабатывает и по её просьбе согласится научить. Девушка порекомендовала заняться именно криптоторговлей и дала телефонный номер «брата» с кодом Голландии...Далее парень, следуя инструкциям «эксперта», перевёл на указанные им счета 3 367 800 рублей. Вскоре после этого и прекрасная Алёна, и её брат пропали со связи, всюду заблокировав начинающего инвестора. Поняв, что стал жертвой мошенников, житель Туапсе обратился к правоохранителям (материал сайта БрокерТрибунал, 2022).*

При реализации тактики внушения ощущения исключительности адресант индивидуален. Мошенник изначально акцентирует внимание на личности жертвы, на качествах, которые делают ее уникальной и привлекательной и лишь на поздних этапах коммуникации обращается к теме финансов. В качестве средств манипулятивного воздействия широко используются комплименты, признания в любви и сообщения интимного характера. Содержание эмпирических данных позволяет назвать данную тактику гендерно-специфичной. Сообщения, где адресатом являются женщины, составляют 98% нашей выборки. Пример:

*Анонимно. Тоже мошенник. Имя - Jeans Poul... Просит переводить деньги в Мали. История банальная. Живет в Бельгии. Жена погибла в автокатастрофе. Осталось двое детей. Предлагает замуж и кучу богатства. Летит в Марокко чтобы получить наследство отца. В Мали есть плантации. Там он заболевает типа малерии. Просит деньги на лечение, и конечно он получит наследство и все вернёт. Использует фотографии одного телеведущего (сообщение из сообщества SOS: черный список женихов, 2019).*

**Стратегия апелляции к надежде** состоит в моделировании для жертвы ситуации уникальной возможности решить нерешаемую проблему, имеющую критическое значение для жизни. Мошенник презентует себя в качестве медицинского работника, представителя Минздрава, социального работника,

дистрибьютора медицинской техники или лекарственных препаратов, гадалки или мага, известной личности. Адресант может быть как индивидуальным, так и множественным. Мошенник эксплуатирует фактор темпоральности, акцентируя внимание жертвы на скорости наступления негативных последствий (болезнь, смерть, распад семьи) в случае отказа от использования предлагаемого им средства. Активно используются медицинская и иная научная терминология / квазитерминология, эзотерическая лексика. Пример:

*Позвонили моей маме из поликлиники якобы сам главврач, меня дома не было. Первое звонила женщина типа медсестра, сказала что соединит с главврачом. Затем главврач: У вас очень плохие анализы по последнему Вашему анализу крови. Мы и сами удивились. Даже послали их на повторное исследование во вторую бактериальную химическую лабораторию, которая занимается и онкологией. К сожалению, они подтвердили диагноз: нарушение цикла Крепса. Это очень редкое заболевание. Суть заболевания: эта онкология крови называется мелацитарная диспозия. В норме мелацитарных клеток должно быть 20%. У вас 83%. Это безнадежно много. Это означает, что через 2-3 месяца вы будете полностью парализованы. Вы можете обездвижиться в ближайшие 1-2 дня. Сознание и зрение сохранится, но в остальном – вы просто растение. Вам нужна срочная операция. Но она очень тяжелая. Только редкие специалисты ее делают. Она очень дорогая. Есть ли у вас средства? Деньги у вас на карте или наличные? Дома? (сообщение на Пикабу, 2017).*

**Стратегия апелляции к жалости** состоит в моделировании для жертвы ситуации возможности оказать кому-либо помощь в трудной жизненной ситуации, проявить сострадание и милосердие. Мошенник презентует себя в качестве физического лица, нуждающегося в помощи, родственника или друга такого лица, администратора интернет-ресурса, через который собираются пожертвования. Адресант индивидуален. Фактор темпоральности эксплуатируется путем акцентуации наступления негативных последствий (как правило, смерть) в случае отсутствия помощи в ближайшее время. Активно

используются диминутивы, экспрессивы, медицинские термины, апелляции к религиозным чувствам, иллюстративно-визуальные средства воздействия.

Пример:

*Моя мама умирает. Я Екатерина \*\*\*\*\* прошу срочной помощи. С чего начать не знаю. Я на коленях прошу у всех, кто сколько может, помогите, деньги нужны сейчас, шансов очень мало, но он есть. У нас есть час, наша семья отдаст каждую копейку. Моя мама умирает. Сегодня утром 25.10.2019 на трассе произошла авария, моя мама ехала с дядей домой с дачи в автомобиле. Водитель, мой родной дядя, 12.11.1971 г.р. погиб на месте, мама с мизерными шансами в коме. В течении часа мне нужно найти еще 298 000 рублей, на пластину в череп которая сможет подарить шанс. Мама протянет максимум два часа на аппарате, к операции она готова, врачи сделают всё бесплатно, деньги нужны на платину, которая продается только у частных компаний. Кто сколько может занять или помочь, ниже реквизиты карты. Прошу вас не будьте равнодушными. Помогите (материал на Пикабу, 2019).*

**Стратегия апелляции к смущению/чувству вины** состоит в моделировании для жертвы ситуации, в которой она испытывает неловкость за то, что не узнала инициатора общения. Мошенник презентует себя в качестве родственника или друга жертвы. Адресант индивидуален. Фактор темпоральности эксплуатируется через формирование у жертвы предвкушения скорой встречи. Мошенник активно апеллирует к семейным ценностям или дружбе, имитирует речевой жанр «осуждение».

*Вчера днём звонит мне человек (Ч): Ч – Привет, ты дома, я еду в Воронеж, скоро буду, встретимся? Я номер поменял. Я (не могу узнать голос, он хриплый) – кто это? Ч – Ты что родственников уже не узнаёшь? (А у меня есть родственник с похожим басом и в другом городе, да ещё и телефоны часто новые появляются, разных операторов, меняет) я болею, охрип просто. Я – нет, не узнал. Ч – Олег. Встретимся? я скоро буду. (у меня есть родственник с таким именем в другом городе) Я – не могу, по работе еду. Ч – Хорошо, я потом позже наберу. Я – Хорошо. Ни чего не подозревая я дальше*

*продолжаю работать, далее звонок опять минут через 40: Ч – Ну что освободился? Ой, подожди, меня остановили ДПС, я перезвоню. Я продолжаю работать. Опять звонок: Ч – что делать, я попал, я утром выпил настойку-лекарство, у меня показало промиле, у тебя есть знакомые ДПС? эти не берут деньги, чуть ли не плачет. Я – у меня нет никого, ни чем тебе не помогу. Ч – Я попробую уладить. Я – Хорошо, звони если что, помогу машину забрать во двор, если лишат прав. Через час звонок: Ч – Я договорился, половину суммы я отдал, нужно ещё 10, 7 перекинет товарищ и ты скинь 3 тысячи на номер телефона диснику, я тебе отдам потом (материал на Пикабу, 2017).*

**Стратегия создания иллюзии рутинности** состоит в моделировании обыденной ситуации, привычной для жертвы. Адресант не стремится создать у адресата эмоциональное возбуждение или апеллировать к логике. Мошенник презентует себя в качестве физического лица или представителя сферы услуг. Адресант индивидуален. Фактор темпоральности эксплуатируется путем акцентуации внимание жертвы на рутинности проблемы и возможности экономии времени на ее решении. Пример:

*Девочки, всю трясет. Позвонили мошенники, сказали доставка цветов, назвали мой адрес, говорит скажите номер из смски, и пришла смска с названием магазина (а не номер, видимо поэтому повелась). Ну я дура и сказала им. Сбросила и тут дошло, что мошенники (сообщение на форуме Woman.ru, 2025).*

**В заключении** подведены итоги работы, обобщены результаты исследования, намечены его перспективы. На наших глазах произошло радикальное изменение места и роли мошенничества в социуме. Из второстепенного ненасильственного преступления оно превратилось в обширную индустрию, напрямую связанную с угрозами национальной безопасности Российской Федерации; из сюжета, с которым большинство граждан сталкивались лишь при чтении газет или знакомстве с детективной литературой, – в элемент повседневной коммуникации каждого члена социума. Параллельно с подготовкой диссертационного исследования и в системной взаимосвязи с ним проводился ряд прикладных работ, направленных на

предотвращение мошеннического воздействия на российских граждан или минимизацию его последствий. При этом стала очевидной необходимость интеграции усилий представителей различных отраслей знания для эффективного противодействия мошенничеству. Перспективы настоящей работы состоят в проведении междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, юриспруденции и теории информационной безопасности, целью которых может стать выработка механизмов противодействия деструктивному воздействию криминалитета на социум.

**Основные положения настоящего диссертационного исследования  
отражены в следующих публикациях:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при  
Министерстве науки и высшего образования РФ:*

1. Смирнова, И. В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилов» и его стратегии / И. В. Смирнова // Жанры речи. – 2024. – Т. 19. № 1(41) . – С. 90-103 (1,55 п.л.).

2. Смирнова, И. В. Стратегия апелляции к смущению / чувству вины / И. В. Смирнова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 801-807 (0,85 п.л.).

3. Смирнова, И. В. Мошеннический дискурс: Стратегия апелляции к удаче / И. В. Смирнова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2024. – Т. 13, № 3. – С. 15-22 (1,0 п.л.).

4. Смирнова, И. В. Мошеннический дискурс: стратегия апелляции к жалости / И. В. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 63-72 (0,8 п.л.).

*Зарегистрированные объекты интеллектуальной собственности:*

5. Лингвоюридическая база данных «Мошеннический дискурс» / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова // Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620441 Российская Федерация. № 2024620074: заявл. 16.01.2024: опубл. 29.01.2024 (версия от 18.08.2025). (3,85 м.б.).

6. Веб-приложение «Антимошенник» (для операционной системы Android)» / М. Н. Горбачев, Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025684638 Российская Федерация. № 2025682831: заявл. 05.08.2025 : опубл. 16.09.2025 (версия от 16.09.2025). (7 м.б.).

*Статьи в других научных изданиях:*

7. Смирнова, И. В. Круглый стол. Реальный виртуальный мир: революция или естественное обновление? / Г. Г. Слышкин, М. С. Милованова, Н. А. Боженкова, Л.М. Гончарова, Д.А. Дацко, С.В. Ионова, В.И. Карасик, П.А. Катышев, К.В. Киуру, Л.Е. Малыгина, М.Ф. Сабит, О.И. Северская, Е.Д. Смирнова, И.В. Смирнова, Р.Е. Тельпов // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности : Сборник материалов II Международной научной конференции (Москва, 27–28 октября 2022 г.). – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 11-34. (1,5/0,15 п.л.).

8. Смирнова, И. В. Негативизация и криминальная эксплуатация концепта «материнство» как проблема лингвобезопасности / Е. Д. Смирнова, И. В. Смирнова // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: Сборник материалов II Международной научной конференции (Москва, 27–28 октября 2022 г.). – Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 90-96 (0,4/0,2 п.л.).

9. Смирнова, И. В. Образовательное обеспечение лингвобезопасности и государственной коммуникативной политики: формирование поддерживающих лингвистических курсов / И. В. Смирнова, Е. Д. Смирнова, Г. Г. Слышкин // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ (Ярославль, 16–25 мая 2023 г.). – Ч. 2. – Ярославль: Редакционно-издательский отдел Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2023. – С. 200-206 (0,6/0,2 п.л.).

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 14.10.2025

Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman/

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Уч.-изд. л. 1,35. Тираж 100. Заказ № 25035.

Отпечатано в ООО «Ставропольское издательство «Параграф»

г. Ставрополь, ул. Спартака, 8, к. 210

тел.: +7-928-339-48-78

[www.paragraf.chat.ru](http://www.paragraf.chat.ru)